

Ю.М. Трофимова
(Россия, Саранск)

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ЕГО ЭВОЛЮЦИОННЫХ СВОЙСТВ

В статье обосновывается правомерность выделения паремиологического дискурса и его подверженность различного рода эволюционным и трансформационным процессам, определяющим его субстанциальные характеристики и функционирование.

Ключевые слова: паремиологический дискурс, паремия, пословица, поговорка, афоризм, трансформация, эволюция

Популярность дискурсивных исследований в современной лингвистике имеет своим итогом в первую очередь выделение самых различных видов дискурса, число которых стало уже практически необозримым. Разнообразные виды дискурса, выявленные на сегодняшний день, имеют, однако, разный возраст с точки зрения времени своего изучения. Интерес вызывают самые молодые дискурсивные исследования, среди которых следует особо выделить паремиологические разработки, имеющие целью осветить своеобразие различных паремий с позиции дискурса.

Формулировка паремиологический дискурс становится уже вполне привычной и встречается в достаточно большом количестве работ. Но здесь необходимы уточнения. Дискурсом, как известно, называют текст, погруженный в жизнь, но то, что относят к числу паремий, однозначно квалифицировать как текст нельзя. К паремиям в широком смысле слова причисляют не только пословицы и поговорки, но также и пословичные выражения, антипословицы, веллеризмы, девизы, слоганы, афоризмы, максимы, загадки, приметы, прозвища, дразнилки и другие аналогичные изречения.

Однако как текст их, тем не менее, квалифицировать можно, если принять точку зрения, согласно которой размер текста не имеет

значения. Как было заявлено, в лингвистике текста проблема длины текста давно снята, и уже вполне серьёзно дискутируется вопрос о том, могут ли однословные надписи типа «Вход» или «Гастроном» квалифицироваться как текст [Кубрякова 2001: 74]. Аналогичным образом можно соотнести с паремиями и понятие дискурса. Согласно самому популярному определению, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их познания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136-137]. Сохраняя неприкосновенность цитаты, покажем ниже, что все перечисленные характеристики дискурса вполне приложимы и к паремиям, и соответственно к паремиологическому дискурсу.

Итак, продолжим считать паремию текстом, поместив который в среду экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и других факторов, получим возможность говорить о паремиологическом дискурсе. Особо выделим прагматические факторы. Существенно заметить, что прагматика перечисленных выше единиц неоднородна, часть их озадачивает реципиента когнитивной направленностью (загадки), часть (пословицы, поговорки, антипословицы, афоризмы и некоторые другие единицы) имеют тот характерный признак, что их основным назначением является краткое образное вербальное выражение определенных ценностей и взглядов, иногда с претензией на выражении истины в ее абсолютной форме, что наиболее характерно для пословиц и афоризмов.

На них мы и остановимся. Между пословицами и афоризмами, к тому же, нет четкой границы, и последние имеют свойство приобретать со временем статус первых. Иногда даже прямо заявляется, что авторские пословицы называются афоризмами. Но и традиционные пословицы (народные, имеющие не один век бытования), вполне вероятно, как некое суждение были кем-то однажды высказаны, и в этом смысле тоже имеют автора, хотя и безымянного. Такие высказы-

вания с течением времени варьировались, шлифовались, их авторский компонент выветривался, и они начинали приобретать налет вполне объективного суждения. Красноречивым примером явится афоризм (по разным источникам – то ли Цицерона, то ли Сенеки-старшего) *errare humanum est, stultum est in errore perseverare* «человеку свойственно ошибаться, но глупо упорствовать в своих ошибках», закрепившийся лишь в своей первой части (*errare humanum est*) и уже давно включаемый в состав пословиц.

Пословицы и поговорки испытывают самые разнообразные трансформации, которые весьма затруднительно сгруппировать в типы. Отметим лишь ряд случаев. Например, английская фраза, также приобретающая статус пословицы «*see no evil, hear no evil, speak no evil*» – «не видеть зла, не слышать зла, не говорить зла», обычно в виде надписи сопровождаемая картинкой с тремя обезьянками, закрывающими соответственно глаза, уши и рот. По некоторым источникам эта поговорка – буддистская, иллюстрирующая принцип несовершенства зла. Однако в английском языке она употребляется в ироническом смысле, когда с её помощью характеризуют тех, кто закрывает глаза на откровенные беззакония (in the Western world the phrase is often used to refer to those who deal with impropriety by turning a blind eye) [Three Wise Monkeys...]. С трансформационной точки зрения здесь можно констатировать варибельность её содержания.

Бывают случаи, когда чьё-то высказывание показалось кому-то чрезвычайно привлекательным, и этот человек начинает его активно использовать, содействуя, таким образом, его известности и закрепляя в качестве пословицы. При этом пословица может менять свое языковое обличье и из одного языка переходить в другой. Такого рода преобразование претерпела пословица *Victory has a hundred fathers and defeat is an orphan* (по-итальянски: *La victoria trova cento padri, a nessuno vuole riconoscere l'insuccesso*) (1942). Считается, что она принадлежит итальянскому дипломату графу Галеццо Чано и была популяризирована Джоном Кеннеди. Таким образом, в истории бытования этой паремии существенно выделить вербальную модификацию при её переходе в другую лингвокультуру.

Однако и сам Кеннеди считается автором пословицы (по разным источникам – афоризма) «*a rising tide lifts all boats*». Смысл не сразу доступен человеку, который слышит её впервые, что нехарактерно для паремий в целом, поскольку содержательно они, как правило, прозрачны (за исключением загадок). Приведенная пословица когнитивно усложнена, поскольку её толкование затрагивает лишь одну определенную сферу, а конкретно, положение в экономике в том смысле, что улучшение в экономике в целом принесет выгоду всем тем, кто в ней занят.

Приведенные примеры позволяют вернуться к вопросу о природе паремиологического дискурса, прежде всего, с позиции его эволюционных свойств, как правило, у традиционно выделяемых видов дискурса не обсуждаемых. Как известно, понятие эволюции в широком смысле слова предполагает представления об изменениях в обществе, органическом мире, неживой природе, их направленности, порядке, закономерностях. Добавим от себя, что в той же мере позволительно говорить и обо всех остальных явлениях мира, в том числе и о языке. В том, что касается паремиологического дискурса, то следует поставить во главу угла, во-первых, разнообразие изменений у паремий (как формы, так и содержания) и, во-вторых, (по возможности) закономерности этих изменений. Именно такого рода изменения и следует расценивать как эволюционные характеристики паремиологического дискурса.

Приведенные выше примеры акцентируют, в первую очередь, индивидуальность каждого изменения, поддержанного историческими причинами. Для конкретизации этого явления обратимся также к другим примерам, приняв к сведению, что история изменения (эволюции) пословицы может быть очень долгой.

Например, афоризм Гиппократа (в русском варианте – *жизнь коротка, искусство вечно*, а в английском – *art is long and life is short*) прилагался им к трудностям освоения искусства медицины, для постижения которого жизнь коротка. Оригинал этого афоризма Гиппократа выглядит так: «*Ο βίος βραχύς, η τέχνη μακρή, ο καιρός οξύς, η πείρα σφαλέρη και η κρίσις χαλεπή*» (*Жизнь коротка, (медицинское) ис-*

куство протяженно, случай быстротечен, опыт обманчив, а суждение – трудно). В несколько сокращенной форме эта фраза зарегистрирована и у Чосера: *The lyf so short, the craft so long to lerne*.

Сенека сослался на афоризм Гиппократ в своем диалоге о краткости жизни, и отсюда пошла латинская версия *ars longa, vita brevis*. *Ars* в латинском изречении, ставшим теперь уже пословицей, стало пониматься иначе. В целом же выражение стало популярным после того, как И. В. Гете повторил его в своей трагедии «Фауст» в такой форме: «Искусство долговечно, а жизнь наша коротка». Новое значение пословицы возникло благодаря тому, что использованное Гиппократом греческое слово «*η τέχνη*» обозначало и «науку», и «искусство», – как и латинское «*ars*» в переводе Сенеки. Сейчас это выражение обычно употребляется в смысле: художник, творец умирает, а плоды его рук, творения его духа, ума, искусства живут вечно.

Процесс варьирования паремий не закончен и поныне, и в художественной литературе можно встретить их самые разнообразные модификации. Именно художественная литература может дать представление о том, как возникает авторство афоризма или пословицы, если такое авторство никем специально не заявлено, что в реальной жизни время от времени имеет место. На страницах художественных произведений И.В. Горбань выявила разнообразные типы подобных трансформаций, осуществленных персонажами, но фактически принадлежащих авторам произведений, например, (1) «Слыл он [Иван Коноплев] мужиком справедливым, но злым, говорил редко, но едко» [Яшин 1988: 26] (исходная поговорка: *говорил редко, но метко*) [Горбань 2010: 9]; (2) «Артелью решено было переставить самоловы на самый стрежень – как и всем малоопытным рыбакам им мнилось – *чем дальше в реку, тем больше рыбы*» [Астафьев 1984: 146]. Оказиональная паремическая единица, образованная по структурно-семантической модели синонимична пословице (*чем дальше в лес, тем больше дров*) [Горбань 2010: 12].

Как можно заключить из приведенных примеров, пословицы, явно начинавшиеся с чьего-то удачного высказывания, находятся в устном бытовании и испытывают самые разнообразные модифика-

ции, обнаруживая при этом вполне зримые дискурсивные свойства.

Рассмотрение паремий с дискурсивной точки зрения определенно расширяет границы дискурса как явления. Паремии в этом плане можно типологически сблизить с другим видом дискурса – эпическим дискурсом, сферой функционирования которого является устная передача текста от лица к лицу и от поколения к поколению.

Пословицы XX века обнаруживают и другие эволюционные свойства и, прежде всего, содержательные. Денотативная ситуация, лежащая в основе паремии, все заметнее обретает черты отвлеченности, абстрактности, она все больше включает разнообразных признаков современной жизни. В качестве примера можно назвать следующие паремии, взяв их из краткого оксфордского словаря пословиц [The Concise Oxford Dictionary of Proverbs] и сопроводив собственными переводами: (1) *travelling broadens the mind* «путешествие расширяет кругозор»; (2) *there's no such thing as a free lunch* «бесплатных завтраков не бывает»; (3) *if you don't speculate, you can't accumulate* (пословица в основе – китайская) «если не спекулировать, то и не скопить»; (4) *any publicity is a good publicity* «любая реклама, хорошая реклама».

Налицо также и продолжающаяся трансформация пословиц, например, *he who laughs last, laughs longest* (традиционный вариант *he laughs best who laughs last* «смеется тот, кто смеется последним»), *an apple a day keeps wrinkles away* (традиционный вариант *an apple a day keeps the doctor away* «яблоко в день и врач не нужен»). В этом случае аллюзия на известную пословицу добавляет в трансформированный вариант дополнительную коннотацию, продуцируя определенный юмористический эффект («яблоко в день и морщин не будет»), что редко встречается у традиционных пословиц. Пословица может быть и окказиональной, созданной по определенному поводу и непонятной вне этого события, например, *What goes up, must come down*. Считается, что эта пословица имеет в виду военные бомбардировки и в таком духе апеллирует к известному закону о земном притяжении.

Особый блок составляют авторские пословицы (или афоризмы), которые часто строятся и с использованием другого паремиологиче-

ского материала и которые нередко создаются с намерением произвести юмористический эффект, возникающий из-за аллюзии, направленной на этот материал, например, *“Ветер в голове” — прогноз “погоды” на всю жизнь* (автор Сергей Балашов). Примерно такого же рода и следующие афоризмы указанного автора: *Со здоровьем не шутят: у него нет чувства юмора; Получив подарок от жизни, посмотри, нет ли на нём цены.*

В заключение заметим, что выделение паремиологического дискурса в современной лингвистике следует только приветствовать, поскольку паремии, играющие не последнюю роль в человеческой коммуникации, не могут стоять вне дискурсивной практики. Однако выделение данного явления следует завершить определением его характера и сущности, предпослав ему по возможности дефиницию. Как заметила И.В. Горбань, в лингвистической литературе со словом *паремиологический* обычно согласуют *фонд, материал, корпус* и т.п., подразумевая при этом, как правило, некий объем пословиц, поговорок, присловий, дразнилок и прочих паремических единиц (в широком понимании). В частности, в подобном ключе трактуют русский паремиологический дискурс Н.В. Дранникова и И.В. Тяпкова [Горбань 2010: 23]. Однако имеет смысл заявить, что паремиологический дискурс – это не просто корпус паремических единиц, это процесс их создания, обновления, трансформаций, а подчас исключительно сложного и длительного преобразования в зависимости от тех или иных коммуникативных обстоятельств. Безусловно, основная часть паремий сохраняет в коммуникации свой стабильный облик, но ни одна из них не застрахована от авторских переосмыслений и трансформаций, происходящих совершенно непредсказуемым образом. Именно эти моменты и следует определить как эволюционные признаки паремиологического дискурса, демонстрирующие его постоянное развитие, становление и в итоге – онтогенез.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс //Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Горбань И.В. Роль паремий в речевых актах (на материале языка русской художественной литературы). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов 2010. – 26 с.
3. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения //Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.
4. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. – [Электронный ресурс]: https://vk.com/doc3217357_227745817?hash...dl.
5. Three Wise Monkeys. [Электронный ресурс]: bookofthrees.com/three-wise-monkeys-2.

Y.M. Trofimova
(Russia, Saransk)

PAROIMIAS AS A PHENOMENON OF DISCOURSE AND ITS EVOLUTION

The article deals with the problem of recognizing the specific type of discourse – paremiological discourse and its ability to undergo frequent transformations and modifications which constitute the nature of its existence.

Keywords: *paremiological discourse, paroimia, proverb, saying, aphorism, transformation, evolution*